

Пролог ГИБЕЛЬ ОРЛА

A

вгуст 1867 года Пржевальский провел на берегу озера Ханка.

Уссурийский край лишь недавно был признан владением России. В эти пустынные земли переселили казаков и крестьян из других губерний. Те нашли среди болот, лесов и гор наиболее подходящие места и образовали русские деревни. Одной из задач командировки поручика Пржевальского была перепись населения. Не менее важным Николай Михайлович считал изучение и описание местной флоры и фауны. Земля эта, местами цветущая и плодородная, местами болотистая и скалистая, была на редкость богата рыбой и зверями.

Этой командировке он долго добивался. Хотя путешествие было первым, поручик не чувствовал себя неопытным странником. Николаю Михайловичу было двадцать семь лет, к путешествиям он готовился всю жизнь. При столкнове-

нии с трудностями он ориентировался мгновенно: как будто знал заранее, понимал нутром, как их преодолеть. Из любой ситуации он быстро находил выход. К исследовательской работе Пржевальский также был готов прекрасно: география, история края, ботаника, орнитология были изучены им досконально. Ночи, проведенные за книгами на четырех языках в Варшаве, и еще раньше, во время учебы в Петербурге, не пропали даром. Его неординарная память и здесь сослужила ему хорошую службу — термины, внешний вид растений и птиц Пржевальский запоминал с одного взгляда. Почти все растения и птицы, которые встречались путешественнику, были ему хорошо знакомы хотя бы по картинкам.

Во время стоянки на озере Ханка Николай Михайлович часто отправлялся на экскурсии — ботанические или охотничьи — и нашел в окрестных лугах сто тридцать видов цветущих растений. Сушил их по ночам, составляя гербарий. Много ходил и с ружьем. В пустынных, никем не посещаемых местностях кипела жизнь зверей и особенно птиц. Пржевальскому нравилось находиться лицом к лицу со свободной жизнью пернатых обитателей, наблюдать ее. Страстный охотник и рыболов, он попал в близкую ему стихию.

Устроившись в засаде, поручик Пржевальский с интересом рассматривал куликов и уток, которые беззаботно бегали по песку или купались в воде на расстоянии каких-нибудь десяти шагов от него, не подозревая присутствия человека. Прилетали другие птицы. Вот сокол-сапсан, как молния, мелькнул из-за высокого тростника, схватил глупую ржанку и быстро помчался к берегу — пожирать добычу. Из волн озера поднялась осторожная черепаха, поползла по песку, улеглась недалеко от воды. Разнообразной рыбы в этом водоеме водилось немерено. Часто случалось, что рыбу выбрасывало волной. Птицам здесь было хорошо — сытно и спокойно, они жили тут исключительно по своим, природным законам. Пржевальский с интересом наблюдал их сложно устроенную жизнь, иерархию видов.

Сейчас несколько ворон пожирали выброшенную на берег рыбу, то и дело затевая между собой драку за каждый кусочек.

Но вот появилась более редкая птица. Орлан-белохвост зорким своим хищным глазом увидел с вышины суетящихся над рыбой ворон и решил отобрать у них вкусную добычу. Большими спиральными кругами, широко раскинув мощные крылья, он начал спускаться из облаков и, сев спокойно на берег, тотчас унял вороний спор, при-

нявшись сам доедать остатки рыбы. Обиженные вороны прыгали поодаль, каркали, не смея возразить суровому царю, но все же изредка урывали сзади небольшие кусочки рыбы.

Налюбовавшись вдоволь, Пржевальский выстрелил. Мигом всполошилось все вокруг. Утки закрякали и поднялись из воды, кулики с разнообразным писком и свистом перелетели на другое место, черепаха с необыкновенной для нее быстротой опрокинулась в воду, нырнула в волну, укрылась в ней.

И только один орел бился на песке в предсмертной агонии: мучительно простирая по пустынному пляжу огромные острооперенные крылья, дергал кожистыми скрюченными лапами с крепкими когтями, утыкался хищно-согнутым страшным клювом в рассыпающийся песок...

«Он поплатился своей жизнью за право считаться царем между птицами и тем привлекать на себя особое внимание охотника», — думал пограничник, проходя мимо дергающегося в конвульсиях большого оперенного тела. Орел был ему не нужен, в его коллекции птичьих чучел уже имелся подобный экземпляр. Им двигал исключительно азарт охотника.

Глава 1

РОКОВАЯ ПРОГУЛКА

B

сю дорогу до поселка Пржевальское, а это более четырех часов, Елена Семеновна изнывала от жары и скуки.

Читать в автобусе Шварц не любила — трясет, а знакомых, чтобы скоротать поездку за разговорами, в салоне не оказалось. Она старалась задремать, однако из-за жары не получалось. При движении еще какой-то ветерок продувал, а на остановках — хоть помирай. Автобус, как на зло, подолгу стоял, особенно в Демидове, куда вообще и заезжать не стоило — крюк! «Свои автобусы ходят, чего заезжать...» — ворчала про себя Леля. Правда, здесь человек семь вышли, а не зашел никто, стало свободнее. Вскоре после Демидова и приехали — вот пошла железная ограда санатория, это уже Пржевальское! Несколько пассажиров вышли возле санатория, с чемоданами на колесиках, с сумками. Другие, как и Елена Семеновна, поехали до конечной.

Возле двухэтажного кирпичного здания поселковой администрации автобус развернулся и остановился. Проход быстро заполнился продвигающимися к выходу людьми. Доставая сумку с полки над сиденьями, Шварц увидела в окно Машу и мальчишек. Коля и Петя бежали впереди матери к автобусу — ее встречать. Шварц угадала их крики: «Тетя Леля приехала!» Маша, улыбаясь, шла за детьми.

Отношения с племянником и его семьей у Елены Семеновны были очень хорошие. Юркина мать, родная сестра Лели Светлана, выйдя замуж, поселилась с семьей в Десногорске. Юрка окончил там школу. А в университет поступил в Смоленске. Жил вместе с тетей Лелей, как он ее называл, в дедовской квартире на ул. Бакунина, рядом с университетом. Это была квартира его бабушки с дедушкой, теперь там оставалась только тетя Леля — со всеми мужьями она успела развестись, а детей своих не имела. Юрке она была рада. Все это, как и история отношений Юрьи и его теперешней жены Маши, уже было описано в романе «Русское сокровище Наполеона». На полученное от государства вознаграждение за обнаруженный ими клад Юрий и Мария купили тогда дом в Пржевальском. Уже восемь лет они по несколько

месяцев ежегодно жили в этом замечательном поселке с такой красивой природой.

Елена Семеновна в Пржевальское к семье племянника приезжала редко и всегда на короткий срок: ее деятельная натура лишь недолго могла увлечься тихими сельскими радостями. Леля Шварц любила кипучую городскую жизнь — с посещением концертных и выставочных залов, с походами в сауну, с бассейном, с дружескими посиделками в кругу подруг. Вот и сейчас она ехала не более чем на неделю. Пообщается с родственниками, поплавает в прекрасном озере Сапшо, полюбуется его живописными берегами, побродит по лесу — и в город.

Внучатые племянники уцепились за нее с двух сторон, так что с Машей обменялись поцелуями через их головы. Коле уже исполнилось семь лет, а Пете — пять. Мальчики росли крепкие — все ж каждое лето в озере купаются, по лесу с родителями бродят, да и вообще на природе. Сейчас, в начале июня, они уже сильно загорели. Как всегда, они высказали Леле сразу много пожеланий: «Тетя Леля, а зубров когда пойдем смотреть?!», «Тетя Леля, на Чистик сходим?», «Тетя Леля, а ты ужей боишься? А наш Буник не боится! Давай поймаем ужа?».

Леля отвечала, смеялась, одновременно пытаясь разговаривать с Машей — так и дошли до дома.

Дом у Кондрашовых хороший, довольно большой. И место отличное — к центру близко, до пляжа санаторского не очень далеко. Сапшо — красивое озеро с чистой водой, только вот ужей вокруг полно, да и ядовитые змеи есть. Так что лучше на пляже купаться. После защиты кандидатской Юра начал заниматься биографией и трудами Н. М. Пржевальского и получил возможность работать то здесь, то в Смоленске, по удаленному доступу. В настоящее время он занимал должность главного хранителя музея Пржевальского. Маша с рождением второго ребенка почти оставила работу — подрабатывала экскурсиями да овощи в огороде выращивала для семьи. Так что Коля и Петя в поселке, можно сказать, выросли.

Дом Кондрашовых Елена Семеновна узнала издали: покрашенный веселой голубой краской, с мезонином посередке крыши, с задумчивыми «золотыми шарами» и пышными, напоминающими бисквитный торт, розовыми пионами в палисаднике он радовал глаз. Вон и кот Буник сидит на заборе!

— Привет, Буник! — поздоровалась Леля.

Кот, хорошо ее знавший, слегка шевельнул хвостом. Для сдержанно-высокомерного Буни-ка это было очень теплое приветствие.

Такие же, как у Кондрашовых, пионы росли в соседнем палисаднике. Там возилась какая-то женщина, увидев Лелю, она приветливо кивнула: «С приездом!» — и опять занялась цветами.

«Это Надя, помните ее?» — шепнула Маша.

Леля помнила, конечно. Надежда Ковалько-ва заходила к Кондрашовым в прежние ее приезды. Симпатичная женщина. Маша с Юрой у нее яйца покупали, иногда ягоды всякие, грибы — не всегда есть время самим в лесу набрать, с двумя маленькими детьми.

— Сын ее школу окончил, устроился на работу в Смоленске, но приезжает часто. Ей теперь легче живется. Руки у Жени оказались золотые, он нам игрушки электронныечинит, да и так, если что, может помочь. За небольшую плату, разумеется, — пояснила Маша.

Обедали долго — тем более к обеду и Юрка подошел. И за столом, и после обеда, когда сидели в саду под яблоней, было много разговоров. Спать легли пораньше. А завтра с утра Леля обещала детям пойти на озеро.

Отправились, однако, уже почти в одиннадцать. Пока позавтракали, пока собрались...

Пошли втроем: Юра давно был на работе, а Маша обрадовалась возможности посидеть над подготовкой к новой экскурсии, пока Леля присматривает за детьми. Коля с Петей болтали без умолку, Елена Семеновна едва успевала обоим отвечать. Тропинка вела между деревьями — вниз, вниз. Вот показалось за стволами озеро — огромное, окруженное лесом, какие-то острова виднеются посреди, тоже деревьями поросли. Красивые здесь места! Только отдыхающих возле озера в этот час многовато. Сегодня же суббота! Кроме санаторских, много «диких» отдыхающих понаехало — вроде Лели Шварц.

— Тетя Леля, пойдемте сходим на Чистик, — вдруг предложил Коля. — Там красиво и народу меныше!

Озеро Чистик находится недалеко от Сапшо, километрах в пяти-шести. Действительно необыкновенно красивое. Когда Леля приезжала в прошлом году, Юрка возил ее вместе со всем семейством два раза. Пешком, пожалуй, далековато. Она так и объяснила Коле:

— Далековато. Вы-то с Петей, может, и не очень устанете, а для меня тяжело уже, это ж в общей сложности более десяти километров надо пройти, назад уж ползти буду. Может, папа нас завтра отвезет...

— Нет, папа завтра работает, — Коля смотрел умоляюще. — Он какую-то выставку новую в музее открывает...

Коля так расстроился, что Шварц даже начала раздумывать, не согласиться ли с его идеей, хотя очень не хотелось. Спасение пришло, откуда не ждали.

— Тогда пойдем к лодочной станции! — маленький Петя прервал неприятный разговор, найдя компромисс. — Там тоже купаться можно, а народу меньш...

Что ж... на лодочный причал можно. Облегченно вздохнув, Леля решила довериться ребятам — все ж они местные жители, пусть ведут к причалу.

Они бодро шлепали втроем по берегу босиком. Туфли и сандалики Леля сложила в пакет. Миновали выход к санаторию справа, потом пошел санаторский забор. На дощатом причале, чуть не доходя до лодочной станции, стоял мальчик лет десяти, ловил удочкой рыбу. Подаль, под деревом, сидела на бревне молодая женщина с книгой. Увидев приближающуюся группу, она подняла от книги голову и вдруг улыбнулась, встала с бревна.

— Елена Семеновна, здравствуйте!

— Таня! Вот неожиданная встреча...